

«КЛАССОВЫЙ ПАЕК» И БРОНИРОВАННОЕ СНАБЖЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Михаил Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE “CLASS RATION” AND FOOD RESERVES DURING THE CIVIL WAR

Mikhail Khodyakov

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article examines the evolution of the system of rationed food supplies in Russia. The author focuses on specific forms of food distribution during the Civil War, such as “class rations” and food reserves. At the same time, it is emphasised that a rationing system was already in effect in Russia during World War I, and the practice of fixing prices for bread and providing special food norms for certain categories of workers had begun taking shape long before the Bolsheviks came to power. Describing the introduction in 1918 of the “class ration” in Petrograd, the author proposes that the initiative was largely due to the authorities’ attempts to mitigate the growing crisis between the Bolsheviks and some industrial workers. Although the “class ration” dominated among the principles of food distribution, its economic importance should not be overestimated – even the deprivation of the “exploiters” of food could not significantly improve the nutrition of the working population. From this point of view, the introduction of “class rations” only had political significance. In most cases, the local food authorities failed to develop clear criteria to categorise the population. Using documents from the Russian State Archive of the Economy, the author demonstrates that the idea of “class rations” was developed after the establishment in November 1919 of a special commission for the supply of workers at the People’s Commissariat of Food Industry. The formation

* *Citation*: Khodyakov, M. (2021). The “Class Ration” and Food Reserves during the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572.

Цитирование: Khodyakov M. The “Class Ration” and Food Reserves during the Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572 / Ходяков М. «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572.

of the commission was a consequence of policies meant to centralise all aspects of life in Soviet society. Having received emergency powers from the government in supplying the population with food, the commission formed monthly lists of plants and factories and determined groups of enterprises in various sectors of the economy. As a matter of priority, the reservation of food supplies was made to provide workers. However, the norms of state supply were not always implemented and were significantly lower than the needs of the population. The idea of “class rations” was rejected only after the adoption of a decree on 30 April 1920, which declared the transition to a new form of incentives for workers, labour rations.

Keywords: “class rations”, reserved supplies, food problem, Civil War

Рассматривается эволюция системы нормированного снабжения продовольствием в России. Автор акцентирует внимание на таких специфических формах распределения продуктов, существовавших в годы Гражданской войны, как «классовый паек» и бронированное снабжение. Подчеркивается, что карточная система в России действовала уже в годы Первой мировой войны, а практики установления твердых цен на хлеб и обеспечения особыми нормами продовольствия отдельных категорий рабочих начали складываться задолго до прихода к власти большевиков. Характеризуя введение в 1918 г. «классового пайка» в Петрограде, автор полагает, что это начинание в значительной степени было обусловлено попытками власти смягчить нараставший кризис в отношениях большевиков с частью рабочих промышленных предприятий. Несмотря на то, что «классовый паек» доминировал среди принципов распределения продовольствия, его экономическое значение не следует переоценивать – даже лишение «эксплуататоров» продовольствия не могло значительно улучшить питание трудовой части населения. С этой точки зрения введение «классового пайка» имело лишь политическое значение. Продовольственные органы на местах в большинстве случаев оказались не в состоянии выработать понятные критерии, в соответствии с которыми население могло быть разделено на категории. Используя документы из фондов РГАЭ, автор показывает, что свое развитие идея «классового пайка» получила после создания в ноябре 1919 г. специальной Комиссии по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия. Образование комиссии стало следствием курса политической власти на централизацию всех сторон жизни советского общества. Получив от правительства чрезвычайные полномочия в деле снабжения населения продовольствием, она ежемесячно формировала списки заводов и фабрик, определяла группы предприятий в различных отраслях экономики. Именно для них в первоочередном порядке происходило бронирование запасов продовольствия с целью обеспечения рабочих. Однако нормы государственного снабжения реализовывались не всегда и были значительно ниже потребностей населения. Отказ от идеи «классового пайка» произошел лишь после принятия декрета 30 апреля 1920 г., декларировавшего переход к новой форме стимулирования рабочих – трудовому пайку.

Ключевые слова: «классовый паек», бронированное снабжение, продовольственная проблема, Гражданская война

Посетивший Петроград в январе 1920 г. английский писатель Герберт Уэллс не мог не обратить внимание на глубину социально-экономического кризиса, охватившего когда-то блестящий город. Большевики, по его словам, оказались не в состоянии обеспечить выдачу продовольствия в количестве, достаточном для нормального существования населения. При этом они нашли единственный способ спасти горожан от тисков спекуляции и голодной смерти и «в отчаянной борьбе за остатки продовольствия ввели пайковую систему распределения продуктов... Всем выданы хлебные карточки, и люди выстаивают в очередях за хлебом, но во время нашего пребывания петроградские пекарни не работали три дня из-за отсутствия муки» [Уэллс, с. 319, 323]. Точно отразив увиденное, Г. Уэллс, конечно, не мог знать, что в России на рубеже 1920–1921 гг. пайковой системой в общей сложности было охвачено 34 млн чел., включая практически все городское население, а также 2 млн сельских кустарей [Четыре года, с. 61–62]. Данные, касавшиеся норм распределения продовольствия среди населения, собирались и публиковались различными структурами: Особым совещанием по продовольственному делу, Союзом городов, статистическими отделами городских управ, Министерством (с весны 1917 г.) и Наркоматом (с конца октября) продовольствия, городскими продовольственными комитетами, губернскими отделами статистики [Кабо; Второй год борьбы с голодом; Статистический сборник].

Начало нормированного распределения продуктов в России относится ко времени Первой мировой войны, когда были введены карточки на сахар. Широко используя опыт Германии, органы власти и управления в условиях роста цен и начавшихся перебоев с продовольствием обобщали и анализировали европейские практики распределения жизненно важных продуктов. К лету 1916 г. карточная система существовала в 34 губерниях России, еще в 11 губерниях велась подготовка к ее введению [Китанина, с. 206]. Карточная система перестала быть явлением исключительно городской жизни. Осенью 1916 г. карточки на продовольствие использовались в Вятской, Пермской, Пензенской, Оренбургской, Тверской, Ставропольской и других губерниях [Известия Особого совещания, 1916, № 29, с. 52].

Принципы функционирования карточной системы периода Гражданской войны, которые, на наш взгляд, охарактеризованы в историографии весьма поверхностно, в настоящей статье освещены лишь в той степени, которая необходима, чтобы оценить значение введенного с середины 1918 г. «классового пайка» как составной части в череде мероприятий советской власти, направленных на упорядочение принципов распределения и решение продовольственной проблемы. Отдельного исследования заслуживает система продовольственных привилегий «особо ответственных» и «совершенно незаменимых» работников центральных органов власти и управления. Этот вопрос затронут при рассмотрении главной задачи – определения места

и роли «классового пайка» в социально-экономической жизни России периода Гражданской войны.

Одним из первых к серьезному анализу вопросов, связанных с регулированием проблем потребления и распределения продовольствия, обратился Н. Д. Кондратьев. В своей работе «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», написанной в конце 1918 – 1919 г., он отметил разрушение институтов государственного снабжения хлебом и кризис продовольственных организаций [Кондратьев]. Охарактеризовав деятельность органов продовольствия, мероприятия по регулированию заготовок, перевозок и планов снабжения, Кондратьев сформулировал неутешительный вывод о том, что существующая в России «система регулирования распределения наименее совершенная» [Там же, с. 186].

Проблема нормированного снабжения продовольствием в годы революции и Гражданской войны в той или иной степени была отражена в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [Крицман; Потехин; Китанина; Kapp; Figes; Gatrell]. Историки обращались к изучению широкого круга вопросов, характеризующих практики нелегального снабжения, «черного рынка» и привилегий, складывавшихся в первые годы советской власти в продовольственной сфере [Рупасов; Чистиков; Давыдов], к анализу причин проявления эгалитарных настроений в рабочей среде [Яров]. Одной из наиболее обстоятельных в этом отношении нам представляется коллективная монография сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН [Петроград на переломе эпох].

Снабжение населения продовольствием в 1917 г.: попытка нормирования

Распределение продовольствия приобрело особое значение к моменту свержения монархии. 5 марта 1917 г. на заседании Временного правительства министром земледелия А. И. Шингаревым было озвучено предложение продовольственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов об образовании распорядительного продовольственного комитета, который должен был заменить Особое совещание по продовольствию, существовавшее с августа 1915 г. [Журналы заседаний, т. 1, с. 34]. Уже 9 марта правительством было принято постановление об учреждении Общегосударственного продовольственного комитета. Одновременно министру земледелия поручалось «войти в ближайшее сношение с военным министром относительно возможного сокращения нормы душевого потребления хлеба в армии» [Там же, с. 58].

Спешность принятия данного решения диктовалась тем, что в начале марта 1917 г. в столицах были введены карточки на хлеб. Среди материалов Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу отложился документ под названием «Главные основания карточной системы рас-

предела муки и хлеба в Петрограде и Москве» [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 950. Л. 7–7 об.].

25 марта 1917 г. правительство утвердило временные положения о передаче хлеба урожая прежних лет и будущего 1917 г. в распоряжение государства и о местных продовольственных органах. Министру земледелия как председателю Общегосударственного продовольственного комитета поручалось объединить и координировать мероприятия по обеспечению продовольствием армии и населения. Губернские продовольственные комитеты, «учреждаемые немедленно», должны были стать местными органами «общегосударственной продовольственной организации» [Журналы заседаний, т. 1, с. 169]. Государство в этот момент времени начинало выступать монополистом не только в вопросах заготовок продовольствия, но и в деле его распределения.

С середины 1917 г. карточная система постепенно распространилась на все новые продукты. 6 июня министром продовольствия была утверждена примерная инструкция по организации карточной системы в городах и поселениях городского типа [Известия по продовольственному делу, 1917, № 2, с. 41–44]. Тогда же в Москве появились карточки на крупы, макароны; в июле – на мясо, в августе – на сливочное масло, в сентябре – на яйца, в октябре – на растительное масло, в ноябре – на кондитерские изделия, в декабре – на чай. К концу 1917 г. можно было говорить о том, что карточная система сформировалась в полной мере [Кабо, с. VIII].

Важно отметить, что прообраз «классового пайка» – особое снабжение продовольствием отдельных групп населения – появился уже в 1917 г. Так, постановление Московского губернского продовольственного комитета, управы и президиума от 12 апреля сокращало в два раза, то есть до 23 ф. в месяц, максимальную продовольственную норму для населения губернии. При этом было заявлено о необходимости снабжения рабочих (пильщиков и торфяников) пайком муки в 2 ф. на одного человека в день. Постановлением признавалась необходимость выделения усиленного пайка в количестве 35 ф. муки в месяц всем фабрично-заводским, сезонным и сельскохозяйственным рабочим, если их заработок не превышал 150 руб. в месяц [Известия по продовольственному делу, 1917, № 2, с. 41].

Приказом министра земледелия от 29 апреля 1917 г. лица, занятые тяжелым физическим трудом, должны были получать повышенные нормы хлеба. В инструкции министра продовольствия от 26 июня 1917 г., касавшейся нормирования потребления хлебных продуктов, говорилось о категориях лиц, имеющих право на получение усиленного хлебного довольствия. Правда, деление фабрично-заводских рабочих на группы вызывало справедливые нарекания. В общий список оказались включены слесарь, кочегар, «молотобоец вручную» и токарь высшей квалификации [Собрание узаконений, с. 1081].

Постановлением от 24 сентября 1917 г. Временное правительство устанавливало особый порядок снабжения продуктами железнодо-

рожных служащих, мастеровых и рабочих, а также членов их семей. Однако при этом продажа им продуктов должна была осуществляться по карточкам, выдававшимся по месту жительства местными продовольственными комитетами «в соответствии с общими, установленными в приказах министра продовольствия, нормами снабжения населения применительно к местожительству служащих, мастеровых и рабочих и членов их семейств» [Журналы заседаний, т. 4, с. 196].

Одновременно повсеместно происходило сокращение норм снабжения населения. Наряду с этим упало качество производившегося продовольствия [Твердюкова, с. 71–79]. Не мог изменить ситуацию и дополнительный паек. В Москве к маю 1918 г. его получали 36,7 % жителей города. С июля по декабрь 1917 г. население получало около 52 % от нормы потребления второго полугодия 1916 г., с января по июнь 1918 г. – 21,7 %. С июля 1917 по июнь 1918 г. норма потребления продовольствия составила 37 % от потребления всего 1916 г. [Кондратьев, с. 194].

Рождение идеи «классового пайка»

Порядок регулирования потребления, сложившийся после февральских событий 1917 г., сохранялся больше года. В мае 1918 г. в Петрограде в ходе различного рода собраний начала выкристаллизовываться идея «классового пайка». Так, 12 мая на чрезвычайном совещании, созванном по постановлению Петроградского совета и по инициативе комиссариата по продовольствию Северной области, прямо говорилось о необходимости выделения некоторым категориям рабочих, занятых на тяжелых работах, требующих «максимальной затраты энергии», усиленного хлебного пайка «в тройном размере» [Петроградская правда, 1918, 14 мая].

29 мая 1918 г. на экстренном собрании Петроградского совета, где, по словам Г. Е. Зиновьева, присутствовало свыше 1,5 тыс. чел., была подавляющим большинством голосов принята резолюция о введении новых принципов распределения хлеба. Лозунг «Прежде всего накормим рабочих, а потом уже дадим остальным» сопровождался многократным повторением известной всему населению Петрограда истины – «хлеба у нас мало». Однако с ходу воплотить в жизнь идею «классового пайка» не удалось, несмотря на то, что уже с 1 июня дополнительные продовольственные карточки выдавались некоторым категориям рабочих [Там же, 30 мая].

Представляется, что задержка с введением «классового пайка» была связана не только с начавшейся реорганизацией местных органов Наркомата продовольствия (Наркомпрода, НКП) и с проводившейся Всероссийской промышленной и профессиональной переписью, но и с нараставшей социальной напряженностью [Чистиков, с. 189–190]. Первая половина 1918 г. стала временем политического кризиса, который остро обозначился в Петрограде, где эсеры и меньшевики создали «Собрание уполномоченных фабрик

и заводов». В мае – июне они готовили проведение демонстраций и митингов, считая, что бывшее значение советов оказалось сведено до роли голосующей машины, механически, безо всякого обсуждения штампующей декреты. Падение влияния советов вынужден был признать и Г. Е. Зиновьев, заявлявший, что районные советы Петрограда превратились в «палаты лордов», а меньшевики и эсеры (в лице развернувшего свою деятельность Собрания уполномоченных) имеют основания обвинять их в отрыве от широких масс трудящихся [Рабинович, с. 128].

В июне 1918 г. проходили активная предвыборная борьба и выборная кампания в Петроградский совет. Газеты того времени пестрели призывами голосовать «За власть рабочих и крестьян», «за сторонников советской власти, принимающей самые решительные меры для борьбы с голодом!» [Красная газета]. Тогда же участились обыски на квартирах у наиболее активных участников Собрания уполномоченных, начались их аресты [Питерские рабочие, с. 105–140]. Вслед за приостановкой работ на Обуховском заводе, являвшемся оплотом Собрания уполномоченных, и увольнением 4,5 тыс. рабочих Петроградский совет 27 июня принял постановление, объявлявшее Собрание уполномоченных контрреволюционной организацией, которую необходимо немедленно распустить [Правда, 1918, 29 июня].

Декрет «О реорганизации распределения продуктов питания среди населения Петрограда», подписанный председателем Петроградской трудовой коммуны Г. Е. Зиновьевым и комиссаром продовольствия К. К. Стриевским, опубликованный 21 июня на страницах ряда петроградских газет [Северная коммуна; Красная газета], был, по нашему мнению, направлен на то, чтобы попытаться стабилизировать ситуацию не только в экономической, но и в политической сфере. Содержащееся в декрете деление взрослого населения на группы предусматривало отнесение к первой категории, обеспечивавшейся продовольствием по максимальным нормам, всех рабочих физического труда (включая водопроводчиков, пожарных, рыболовов, дворников, почтальонов, санитаров, сиделок «при заразных больницах» и т. д.). Во вторую категорию были включены служащие по найму и рабочие, занятые менее тяжелым физическим трудом (торгово-промышленные служащие, сторожа, курьеры, посыльные, учителя низших и средних учебных заведений, чистильщики сапог, банщики, парикмахеры и т. д.). Третью категорию составили «лица интеллигентных и свободных профессий» (инженеры, юристы, врачи, артисты, художники, музыканты, журналисты), а также прочие граждане, не отнесенные к категориям 1 и 2. Наконец, в четвертую категорию попали лица, живущие с доходов на капитал и пользующиеся наемным трудом. В отдельные группы по снабжению продовольствием были выделены женщины и дети с обеспечением их усиленным пищевым рационом [Красная газета, 21 июня].

Несмотря на то, что деление населения на категории в ряде случаев было условным и вызывало массу вопросов, центральная власть с энтузиазмом поддержала начинание северной столицы. Коллегия Наркомпрода 27 июля 1918 г. постановила использовать опыт Петрограда, предложив своим органам во всех населенных пунктах городского типа также «немедленно ввести «классовый паек»». Член коллегии НКП А. И. Свицерский был командирован в Петроград для того, чтобы «достать там все материалы, касающиеся классового пайка и физиологических норм питания» [Известия Народного комиссариата по продовольствию, 1918, № 18–19, с. 39]. Летом 1918 г. губернские продовольственные комитеты начали разработку особых правил распределения хлеба по нормам. Вслед за Петроградом на путь введения «классового пайка» 1 сентября 1918 г. вступила Москва. С введением «классовых» карточек отменялись все существовавшие ранее дополнительные карточки (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение по категориям едоков в Петрограде (июль 1918 г.)
[Ленинградская кооперация, с. 279]

Категории «классового пайка»	Численность	%
1-я категория	657 517	48,0
2-я категория	659 437	43,1
3-я категория	194 462	12,7
4-я категория	17 732	1,2
Всего	1 529 148	100

Практически сразу после введения «классового пайка» обозначилась тенденция, сопровождавшаяся многочисленными злоупотреблениями, которая была направлена на переход тех, кто были изначально причислены к низшим категориям, в высшие. В результате к октябрю 1918 г. в четвертой категории в Петрограде оказалось лишь 1,6 тыс. чел., что составляло 0,12 % от общего числа населения. Учет этой группы терял практический смысл. Одновременно с этим количество лиц, получавших карточки высшей категории, выросло за четыре месяца в Петрограде на 25 % и в Москве на 15 % [Вишневикий, с. 36].

В итоге Петрокомпрод и коллегия Продовольственного отдела Московского совета выработали новый принцип деления населения на три категории. Список профессий был утвержден Наркомпродом и опубликован 10 ноября 1918 г. [Продовольствие Севера]. Реорганизованная система «классового пайка» стала применяться с декабря 1918 г. В Москве это произошло в январе 1919 г. [Вишневикий, с. 50]. «Классовый паек», таким образом, стал господствующей формой распределения продовольствия.

Этой системы придерживались все губернии и все продовольственные органы. К концу 1918 г. «классовый паек» с разбивкой населения на три категории существовал в Петрозаводске, Новгороде, Вятке, Рязани, Курске, Туле, Казани, Брянске и ряде других городов, а с разбивкой на четыре категории – в Вологде, Великом Устюге, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Тамбове, Пензе, Саратове и др. [Вишневецкий, с. 35].

Нормы выдачи продовольствия по «классовому пайку» менялись ежемесячно. Осенью в списке продуктов появлялись лук, капуста, картофель. Однако это не обеспечивало минимально необходимых норм физиологических потребностей человеческого организма (табл. 2). Частично продовольственную проблему смягчала система общественного питания.

Таблица 2

**Месячные нормы выдачи продовольствия в Петрограде
по «классовому пайку», сентябрь 1918 г.
[Ленинградская кооперация, с. 316]**

Продукты	1-я категория	2-я категория	3-я категория	4-я категория
Хлеб	4,25 ф.	2,00 ф.	0,75 ф.	–
Жиры	–	0,25 ф.	–	–
Мясо	0,50 ф.	–	–	–
Рыба	2,50 ф.	1,00 ф.	–	–
Картофель	2,00 ф.	1,50 ф.	0,50	–
Сельди	32 шт.	33 шт.	28 шт.	11 шт.

Вместе с этим в положениях о «классовом пайке», вырабатывавшихся на местах, господствовала невероятная путаница, а зачастую и прямо ничем не оправдываемые несуразности. Приводя примеры таких несуразностей, автор одной из брошюр ссылался на систему «классового пайка», введенную в Могилевской, Нижегородской и Тверской губерниях [Вышинский]. Приводя в качестве наиболее яркого примера принцип организации «классового пайка» в Тверской губернии, автор отмечал, что к первым двум категориям были отнесены рабочие и служащие, к третьей и четвертой – нетрудовые элементы. В третью категорию в 1918 г. в Твери вошли священники, дьяконы, дьячки, монахи и монахини и все «не имеющие определенных занятий лодыри, не работающие, а живущие на средства мамаш, папаш, тетюшек, дядюшек, домашние хозяйки, кои не имеют прислуг, и хозяйки малосемейные, средние торговцы, богатые домохозяева, все бывшее чиновничество, ничего не делающее...» Четвертую категорию составили «протоиереи, архиереи, епископы, владыки, матери-игуменьи, купцы, акционеры, биржевики, фабриканты, заводчики и их сынки и дочки, ничем не занимающиеся, а также их хозяйки,

имеющие мамку, няньку или прислугу...» Таким образом, в третьей категории оказались лодыри, «ничего не делающие», а в четвертой – лодыри, «ничем не занимающиеся...» [Вышинский, с. 7].

Все это свидетельствовало о том, что деление населения на категории длительное время оставалось делом «творчества» местных продорганов. Ситуацию осложняли «цеховые перегородки» и конфликты между рабочими различных групп – железнодорожниками, деревообработчиками, металлистами и т. д. Случалось, что одни рабочие оказывались в более привилегированном положении, нежели другие, что вызывало недовольство и трения.

В планах разработчиков системы «классового пайка» было обеспечение лучшим питанием тех категорий населения, которые выполняли тяжелую физическую работу на производстве. В результате представители пролетариата должны были оказаться в привилегированном положении. В действительности этого не произошло. В конце 1918 – первой половине 1919 г. центральные власти были буквально завалены отчаянными мольбами с мест о нехватке продовольствия. В телеграмме возглавлявшего Петрокомпрод А. Е. Бадаева, направленной 21 февраля 1919 г. в адрес руководителей Наркомпрода той поры Н. П. Брюханова и А. Г. Шлихтера, содержалась по сути жалоба на то, что продовольственные грузы с территории Украины направляются преимущественно в Москву. Телеграмма заканчивалась словами: «Просим принять меры для снабжения Северной области и красного Петрограда» [РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 277. Л. 52].

Телеграмма Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина, адресованная 24 июня 1919 г. наркому продовольствия А. Д. Цюрупе и главе правительства В. И. Ленину, не оставляла сомнений относительно кризисного положения Петрограда:

С хлебом в Петрограде опять крайне плохо. Армия растет. Последние дни Петрокомпрод полностью вынужден кормить шестую и двенадцатую дивизии, истощая свои последние запасы. В течение последних 40 дней Петрокомпрод почти не получал хлеба. Необходимо во что бы то ни стало дать Петрограду хлеба [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 7. Д. 42. Л. 3].

26 июня нарком А. Д. Цюрупа направил телефонограмму А. Е. Бадаеву и Г. Е. Зиновьеву, в которой отмечал:

Обсудив подробно вопрос о сокращении хлебного пайка в Петрограде, Наркомпрод по совещании с т. Лениным не возражает против этого сокращения, рассчитывая, что на месте достаточно учли все обстоятельства и твердо уверены, что после надлежащей подготовки вам удастся провести это сокращение без осложнений. Со своей стороны Наркомпрод считает эту меру целесообразной и дальновидной и вполне одобряет точку зрения Петрокомпрода, что лучше сократить паек, при улучшении вновь увеличить его, чем допускать перерыв в снабжении [Там же. Л. 39–39 об.].

Катастрофическое продовольственное положение стало одной из главных причин общего сокращения количества рабочих на предприятиях Петрограда. Если к началу 1918 г. на промышленных предприятиях города было занято 293 тыс. рабочих, то к июлю – только 124 тыс. Оставаясь сравнительно стабильной до весны 1919 г., численность рабочих затем вновь стала падать. К январю 1920 г. на заводах и фабриках Петрограда трудилось всего 88 тыс. рабочих [Статистический сборник, с. 42]. Главной причиной того, что промышленное производство останавливалось, был голод.

Курс на централизацию всех начинаний, связанных с распределением продуктов питания, был взят на Всероссийском продовольственном совещании, проходившем с 30 декабря 1918 г. по 6 января 1919 г. В принятой совещанием резолюции отмечалось, что органами распределения на местах являются губернские, уездные и городские продовольственные комитеты. Распределительные аппараты всех прочих организаций должны были быть ликвидированы «в кратчайший срок», но не позднее 1 апреля 1919 г. [Второй год борьбы с голодом, с. 16].

Для более четкого распределения продуктов и для снабжения ими в первую очередь рабочих Всероссийским продовольственным совещанием устанавливался «общий для всей республики классовый принцип распределения». С целью реализации этого принципа население делилось на три группы. Продукты между категориями должны были распределяться в пропорции 4 : 3 : 2. В случае, если местные продовольственные комитеты получали недостаточное количество продуктов, они имели право увеличить нормы выдачи продовольствия рабочим первой категории за счет населения, отнесенного к третьей и отчасти ко второй категории. Для правильного и быстрого распределения продуктов вводилась карточная система «в общегосударственном масштабе» [Там же, с. 17] (табл. 3).

Таблица 3

Процент выдачи продуктов по карточкам в среднем месячном питании
[Крицман, с. 118]

Период	В губернских городах	В уездных городах
Январь 1919 г.	19	27
Апрель 1919 г.	31	31
Июнь 1919 г.	22	20
Октябрь 1919 г.	21	19
Январь 1920 г.	20	24
Апрель 1920 г.	29	25

«Бронированные пайки» для рабочих и служащих

Выстраивание управленческой вертикали, являвшееся одной из характерных черт времен Гражданской войны, привело к тому, что в августе 1919 г. в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР в ведение Наркомпрода перешли все вопросы, касающиеся снабжения продуктами Красной армии. Начальником Главного управления по снабжению продовольствием РККА был назначен член коллегии НКП А. Б. Халатов [Известия Народного комиссариата по продовольствию, 1919, № 13–16, с. 9–10]. Таким образом, 1919 г. стал временем, когда организационная мощь государства в вопросах функционирования продовольственного аппарата обозначилось в полной мере. Обращение к доступным сегодня материалам РГАЭ (ф. 1943 – Наркомат продовольствия, ф. 1953 – Центральная комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде РСФСР, ф. 2012 – Главное управление по продуктообмену и продуктораспределению при НКП РСФСР) позволяет проследить за ходом принятия управленческих решений – установления порядка и принципов выдачи так называемых «бронированных пайков» специально образованной комиссией. Практика бронированного снабжения стала продолжением и развитием идеи «классового пайка».

Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде создавалась в соответствии с постановлением СНК от 15 ноября 1919 г. [Декреты Советской власти, т. 6, с. 500–501]. Она была обязана принимать «все меры к регулярному, хотя бы и минимальному снабжению» продуктами питания в первую очередь рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий, строительных сооружений, а также членов их семей. Председателем комиссии стал А. Б. Халатов, имевший опыт работы в продовольственных органах Москвы. Основанием для обеспечения рабочих продовольствием являлись формировавшиеся списки заводов и фабрик. Ежемесячно комиссия определяла особую группу предприятий, для которых в первую очередь происходило бронирование запасов продовольствия для усиленного снабжения. В зависимости от степени важности «бронированные предприятия» подразделялись на две категории. Величина пайка находилась в прямой зависимости от принадлежности той или иной категории. По первой категории снабжались особо важные предприятия, не прекращавшие работу, практиковавшие удлинённый рабочий день и требующие «высокого напряжения труда». К таковым были отнесены заводы и фабрики, обслуживавшие нужды армии. Во вторую категорию попали предприятия, работавшие «полным ходом» на нужды армии или являвшиеся подсобными для предприятий первой категории. С изданием данного положения прекращалось назначение продовольственных норм рабочим в ином порядке [Там же, с. 501].

Вопросы бронированного снабжения рабочих затрагивались в начале ноября 1919 г. на проходившем в Москве Всероссийском совещании представителей распределительных органов. 1 ноября в ходе

вечернего заседания с докладом «Декрет об едином классовом пайке» выступил управляющий инструкторским отделом управления общего распределения Наркомпрода А. Я. Вышинский [Всероссийское совещание, с. 12–17], едва ли помышлявший в тот момент о карьере прокурора СССР и министра иностранных дел великой державы. Говоря об отсутствии четкого понимания принципов «классового пайка» даже в Петроградской губернии, докладчик указывал на наличие здесь не только «бронированного пайка», который оставался вне всяких категорий и выдавался исключительно лицам физического труда. Кроме него, существовали пайки по категориям. К первой категории (1/2 ф. хлеба) были отнесены призреваемые в больницах, госпиталях, лазаретах, детских больницах и богадельнях, дети от одного года до 15 лет включительно, а также дети, находящиеся в приютах и школах с общежитиями. Во вторую категорию (1/4 ф.) оказалось включено все городское и сельское население. Наконец, к третьей категории (1/8 ф.) были причислены лица, живущие на собственные средства и доходы с капитала, лица, пользующиеся наемным трудом и торговцы всякого рода. Отмечая, в частности, странности при объединении совершенно разных групп населения во второй категории, докладчик иронизировал по поводу сумбура, царящего в столь просвещенном центре, каким являются Петроград и Петроградская губерния [Там же, с. 15].

Отвечая на вопросы участников совещания в ходе работы специальной секции, обсуждавшей проблемы «классового пайка», А. Я. Вышинский, конечно же, лукавил, когда говорил, что рабочий, переходящий даже на ответственную, но не физическую работу, должен быть переведен из первой во вторую категорию снабжения, поскольку деление на категории носит классовый характер [Там же, с. 37]. В действительности еще 24 апреля 1919 г. Наркомпрод издал распоряжение «О порядке причисления ответственных советских работников к 1 категории классового пайка». Уже к 5 мая списки «всех ответственных работников» НКП были подготовлены [РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 479. Л. 3].

Прошло совсем немного времени, и Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде 15 января 1921 г. приняла секретное, не подлежащее публикации постановление, которым устанавливался особый продовольственный паек для ответственных политических и профессиональных работников, а также ответственных сотрудников местных, областных, губернских, уездных и районных советских учреждений. А начальник Управления распределения Наркомпрода А. Я. Вышинский стал одним из тех, кто подписал секретную циркулярную инструкцию относительно порядка выдачи спецпайков на местах [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 7].

Количество рабочих, зачисленных на бронированное снабжение, росло стремительно. В декабре 1919 г. бронированию подлежали 642 тыс. чел. по девяти отраслям промышленности. В январе 1920 г. к ним были добавлены две новых группы – печатники и Наркомпоч-

тель (108 тыс. чел.). К октябрю 1920 г. эта цифра возросла до 1 250 тыс. чел., а к октябрю 1921 г. она достигла своей высшей точки, составив 3 763 тыс. чел. [Вышинский, с. 10].

В тех случаях, когда речь шла о снабжении продовольствием целых отраслей промышленности, комиссия старалась тщательно вникать в детали и рассматривать вопросы неформально. В частности, на заседании 28 октября 1920 г. было признано, что количество заявок от главков и центров, содержащих сведения о числе рабочих, занятых на ударных предприятиях и подлежащих постановке на бронированное снабжение (3,5 млн чел.), должно быть сокращено [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2. Л. 124]. После детального рассмотрения списков предприятий и групп, включенных в списки на бронированное снабжение на декабрь, в протоколе заседания от 6 декабря 1920 г. была отмечена необходимость представленные списки утвердить. По линии производственных главков и Наркомпочтеля в списки были включены 2 346 025 рабочих и служащих, а от непромышленных структур (Наркомпроса, Главпрофобра, Наркомздрава и др.) – 241 661 чел. [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 12. Л. 16].

Комиссия принимала решения и по частным вопросам. Так, в ходе заседания 13 января 1920 г. члены комиссии постановили предоставить усиленное довольствие рабочим и служащим Невского оптического общества в Москве (149 чел.), Купавинской текстильной фабрики (1 919 чел.), Московского оружейного завода в Мытищах (1 267 чел.). Тогда же на усиленное довольствие на февраль 1920 г. были зачислены павловские кустари Нижегородской губернии (6 409 чел.) [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–39]. На заседании 2 марта 1920 г. комиссия расширила список профессий, принадлежность к которым давала право на получение дополнительной рабочей карточки. В список были внесены артисты, хористы и хористки, а также парикмахеры [Там же. Л. 44]. В ряде случаев члены комиссии проявляли принципиальность. Так, на заседании 14 сентября 1920 г. было отказано в предоставлении «особого пайка» сотрудникам Московского совета, признав его выделение «невозможным» [Там же. Л. 110].

Случалось, что председатель Комиссии по рабочему снабжению А. Б. Халатов направлял служебные записки руководителям продовольственных органов на местах, предписывая обеспечить трудящихся «бронированным пайком». Так, 2 марта 1920 г. он указывал А. Е. Бадаеву на необходимость обеспечить продуктами группу петроградских служащих в 25 чел., переведенных решением комиссии на усиленное довольствие (1 ф. хлеба и ½ ф. овощей в день). Служебной запиской от 10 мая 1920 г. А. Е. Бадаеву предписывалось снабдить месячной нормой продовольствия рабочих и служащих полиграфической промышленности Петрограда (1 ¼ ф. печеного хлеба и 1 ½ ф. овощей в день) [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 404. Л. 84, 98].

Централизация всех сторон экономической жизни страны привела к тому, что 5 марта 1920 г. постановлением Совета рабочей и крестьян-

ской обороны Комиссия по рабочему снабжению при НКП получила исключительное право разрешать вопросы, связанные с переводом рабочих всех ведомств на усиленное снабжение [Второй краткий отчет, с. 37]. 18 мая 1920 г. постановлением СНК в ведение комиссии также передавались все вопросы о порядке и нормах снабжения продовольствием рабочих и служащих. Комиссия получала право специального наблюдения «за фактическим проведением установленного плана рабочего снабжения всеми органами и учреждениями» [Там же, с. 36].

Бронированное снабжение рабочих по целому ряду отраслей промышленности выделяло их из других групп потребителей. Однако в реальности норма снабжения и здесь была значительно ниже номинальной. Очевидно, что бронированное снабжение не предоставляло собой тех реальных преимуществ, которыми должно было обладать государственное снабжение (табл. 4).

Таблица 4

Выдача продуктов по бронированному снабжению в 1920 г.
[Вышинский, с. 15]

Вид продовольствия	Назначено к выдаче	Выдано	Отношение выданного к назначенному, %
Мука	3 млн 309 тыс. пуд.	2 млн 079 тыс. пуд.	62,8
Рыба – мясо	435,8 тыс. пуд.	245,5 тыс. пуд.	50
Жиры	611,3 тыс. пуд.	17,3 тыс. пуд.	28,2
Сахар	611,3 тыс. пуд.	29,8 тыс. пуд.	48,6

30 апреля 1920 г. СНК РСФСР был издан декрет «О введении трудового продовольственного пайка». Снабжение по «классовому пайку», а также по всем видам дополнительных карточек для рабочих отменялось [Декреты Советской власти, т. 8, с. 132–137]. Однако и принципы трудового пайка реализовать не удалось. В тот момент времени осуществить на практике заложенную в декрете идею «дать каждому столько продовольствия, сколько соответствует действительно проработанному им времени», оказалось невозможно.

После свержения монархии на смену идее «общегражданственности», реализовывавшейся в России на протяжении восьми месяцев 1917 г. в сфере регулирования потребления и распределения, пришел принцип «классового начала». Временное правительство со свойственной ему нерешительностью и без больших успехов пыталось установить специальные нормы снабжения для рабочих, занятых тяжелым физическим трудом.

Политический кризис первой половины 1918 г. показал большевистским лидерам необходимость установления более тесных связей с рабочими массами. В тот момент петроградские руководители стре-

мились заручиться поддержкой максимального количества фабрично-заводского пролетариата. Легче всего это было сделать посредством выделения рабочих в привилегированную группу, имеющую право на особый паек. Однако специальные положения, введившие «классовый паек» в столицах и имевшие важное политическое значение, в условиях острой нехватки продовольствия привели лишь к перераспределению продуктов питания между различными категориями населения и дали кратковременный эффект. На местах наблюдались не только отсутствие четких критериев при делении городского населения на категории, но и элементарная беспомощность государственных органов в отношении распределения продовольствия как среди рабочих, так и в массе крестьянского населения. «Классовость» пайка в большей степени представляла собой декларацию о намерениях политического руководства. Подтверждал это и разразившийся в Петрограде в конце 1918 г. кризис. Для ликвидации его последствий, выразившихся в прекращении выдачи хлеба и замене его овсом, потребовалось несколько месяцев напряженной работы.

Идея социальной справедливости, отчетливо выраженная в декретах советской власти 1919–1920 гг., не могла изжить многочисленные нормы снабжения, в том числе введившиеся местными продовольственными органами. Количество таких норм к 1920 г. превышало три десятка. Государственная политика централизации, создание Комиссии по снабжению рабочих, бронированное снабжение вытекали из тех военно-экономических задач, которые стояли перед властью в чрезвычайных условиях.

Отказ от «классового пайка» произошел лишь после принятия декрета 30 апреля 1920 г. Тем самым завершалась организационная работа по выработке единообразия форм и методов распределения продовольствия, по более производительному расходованию фондов. Важным шагом в борьбе с многочисленностью и бессистемностью пайков стало решение Наркомпрода ввести с 1 января 1921 г. новую единообразную систему целевого снабжения, получившую название «ударного пайка».

Список литературы

Вишневский Н. М. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. М. : 10-я гос. тип., 1920. 188 с.

Всероссийское совещание представителей распределительных органов. 1–4 ноября 1919 г. М. : Гос. тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), 1920. 64 с.

Второй год борьбы с голодом : Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по Продовольствию за 1918–19 год. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1919. 57 с.

Вышинский А. Я. Вопросы распределения и революция. М. : 3-я тип. МСНХ «Мосполиграф», 1922. 27 с.

Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть : 1917–1921 гг. Мешочники. СПб. : Наука, 2002. 339 с.

Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Политиздат, 1957–1997. Т. 6. 1 августа – 9 декабря 1919 г. 584 с. Т. 8. Апрель – май 1920 г. 444 с.

Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М. : РОССПЭН, 2001–2004. Т. 1. Март – апрель 1917 года. 448 с. Т. 4. Сентябрь – октябрь 1917 года. 512 с.

Известия Народного комиссариата по продовольствию. 1918. № 18–19; 1919. № 13–16.

Известия Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1916. № 29.

Известия по продовольственному делу. V Официальный отдел. 1917. № 2 (33).

Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований) / под ред. Г. Шуба. М. : Моск. сов. (бывшая Гор. тип.), 1918. XVIII, 69 с.

Карр Э. История Советской России : в 14 кн. М. : Прогресс, 1990. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция 1917–1923. 768 с.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. 386 с.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1922. 350 с.

Красная газета. 1918. 20, 21 июня.

Крицман Л. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «Военного коммунизма»). М. : Госиздат, 1924. 274 с.

Ленинградская кооперация за десять лет. Л. : ЛСПО, 1928. 530, XXVI с.

Петроград на переломе эпох : Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. В. А. Шишкина. 2-е изд. М. : Центрполиграф, 2013. 291 с.

Петроградская правда. 1918. 14, 30 мая.

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест : сб. док. / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 465 с.

Потехин М. Н. Петроградская трудовая коммуна (1918–1919 гг.). Л. : ЛГУ, 1980. 143 с. Правда. 1918. 29 июня.

Продовольствие Севера. 1918. 10 нояб.

Рабинович А. Большевики, низы и советская власть: Петроград, февраль 1917 – июль 1918 // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть* / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : Глаголь, 1994. С. 118–125.

РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 7. Д. 42; Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2, 12, 100, 404; Ф. 2012. Оп. 1. Д. 277, 479.

РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 950.

Рупасов А. И. К истории торговли и распределения в Петрограде (1917–1920) // *Некоторые вопросы отечественной истории : События и судьбы.* СПб. : Ин-т рос. истории, 1994. С. 57–77.

Северная коммуна. 1918. 21 июня.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате : [изд. офиц.]. СПб. : Тип. Правит. Сената, [1863–1917]. 1917. № 186.

Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг. : 1-я тип. Глав. упр. Гос. изд-ва, 1922. 344 с.

Твердюкова Е. Д. «Колбаса – дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Новейшая история России.* 2015. № 1 (12). С. 71–82.

Уэллс Г. Россия во мгле // *Уэллс Г. Собр. соч. : в 15 т.* М. : Правда, 1964. Т. 15. С. 313–376.

Четыре года продовольственной работы : ст. и отчет. материалы. М. : Госиздат, 1922. 288 с.

Чистиков А. Н. «Классовый паек» в революции 1917 г. // *Рабочие и российское общество: вторая половина XIX – начало XX века : сб. ст. и материалов, посв. памяти О. Н. Знаменского.* СПб. : Глаголь, 1994. С. 187–195.

Яров С. В. Пролетарий как политик : Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 223 с.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. L. : Jonathan Cape, 1996. 923 p.

Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow : Longman, 2005. 318 p.

References

Carr, E. (1990). *Istoriya Sovetskoi Rossii v 14 kn.* [A History of Soviet Russia. 14 Books]. Moscow, Progress. Book 1–2. Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923. 768 p.

Chernyaev, V. Yu. (Ed.). (2000). *Piterskie rabochie i "diktatura proletariata". Oktyabr' 1917 – 1929. Ekonomicheskie konflikty i politicheskii protest. Sbornik dokumentov* [Petersburg Workers and the "Dictatorship of the Proletariat". October 1917 – 1929. Economic Conflicts and Political Protest. Collection of Documents]. St Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs. 465 p.

Chetyre goda prodovol'stvennoi raboty. Stat'i i otchetnye materialy [Four Years of Food Work. Articles and Reports]. (1922). Moscow, Gosizdat. 288 p.

Chistikov, A. N. (1994). "Klassovyi pak" v revolyutsii 1917 g. [The "Class Ration" in the 1917 Revolution]. In *Rabochie i rossiiskoe obshchestvo: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Sbornik statei i materialov, posvyashchennyi pamyati O. N. Znamenskogo.* St Petersburg, Glagol", pp. 187–195.

Davydov, A. Yu. (2002). *Nelegal'noe snabzhenie rossiiskogo naseleniya i vlast'. 1917–1921 gg.: Meshochniki* [Illegal Supplying the Russian Population and the Authorities. 1917–1921. Baggers]. St Petersburg, Nauka. 339 p.

Dekrety Sovetskoi vlasti v 18 t. [Decrees of the Soviet Government. 18 Vols.]. (1973). Moscow, Politizdat. Vol. 6. 1 avgusta – 9 dekabrya 1919 g. 584 p. Vol. 8. April' – mai 1920 g. 444 p.

Dodonov, B. F. (Ed.). (2001–2004). *Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 goda v 4 t.* [Minute Books of the Provisional Government. 4 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. Mart – april' 1917 goda. 448 p. Vol. 4. Sentyabr' – oktyabr' 1917 goda. 512 p.

Figes, O. (1996). *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924.* L., Jonathan Cape. 923 p.

Gatrell, P. (2005). *Russia's First World War: A Social and Economic History.* Harlow, Longman. 318 p.

Izvestiya Narodnogo komissariata po prodovol'stviyu [Izvestiya Narodnogo Komissariata po Prodovol'stviyu]. (1918). No. 18–19; (1919). No. 13–16.

Izvestiya Osobogo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob'edineniya meropriyatii po prodovol'stvennomu delu [Izvestiya Osobogo Soveshchaniya dlya Obsuzhdeniya i Ob'edineniya Meropriyatii po Prodovol'stvennomu Delu]. (1916). No. 29.

Izvestiya po prodovol'stvennomu delu. V Ofitsial'nyi otdel [Izvestiya po Prodovol'stvennomu Delu. V Ofitsial'nyi Otdel]. (1917). No. 2 (33).

Kabo, R. (1918). *Potreblenie gorodskogo naseleniya Rossii (po dannym byudzhethnykh i vyborochnykh issledovaniy)* [Consumption of the Urban Population of Russia (According to Budgetary and Selected Research Data)] / ed. by G. Shub. Moscow, Moskovskaya sovetkaya (byvshaya Gorodskaya tipografiya). XVIII, 69 p.

Kitanina, T. M. (1985). *Voina, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, Bread, and Revolution (the Food Issue in Russia. 1914 – October 1917)]. Leningrad, Nauka. 386 p.

Kondrat'ev, N. D. (1922). *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremena voiny i revolyutsii* [The Bread Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Narkomzema "Novaya derevnya". 350 p.

Krasnaya gazeta [Krasnaya Gazeta]. (1918). June 20, 21.

Kritsman, L. (1924). *Geroicheskiy period Velikoi russkoi revolyutsii (opyt analiza t. n. "Voennogo kommunizma")* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (an Attempt at Analysing So-Called "War Communism")]. Moscow, Gosizdat. 274 p.

Leningradskaya kooperatsiya za desyat' let [Leningrad Cooperation in Ten Years]. (1928). Leningrad, LSPO. 530, XXVI p.

Petrogradskaya pravda [*Petrogradskaya Pravda*]. (1918). May 14, 30.

Potekhin, M. N. (1980). *Petrogradskaya trudovaya kommuna (1918–1919 gg.)* [The Petrograd Labour Commune (1918–1919)]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet. 143 p.

Pravda [*Pravda*]. (1918). June 29.

Prodovol'stvie Severa [*Prodovol'stvie Severa*]. (1918). November 10.

Rabinovich, A. (1994). Bol'sheviki, nizy i sovetskaya vlast': Petrograd, fevral' 1917 – iyul' 1918 [The Bolsheviks, the Lower Classes, and Soviet Power: Petrograd, February 1917 – July 1918]. In Chernyaev, V. Yu. (Ed.). *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*. St Petersburg, Glagol", pp. 118–125.

RGAE [Russian State Archive of the Economy]. Stock 1943. List 7. Dos. 42; Stock 1953. List 1. Dos. 2, 12, 100, 404; Stock 2012. List 1. Dos. 277, 479.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 457. List 1. Dos. 950.

Rupasov, A. I. (1994). K istorii trgovli i raspredeleniya v Petrograde (1917–1920) [On the History of Trade and Distribution in Petrograd (1917–1920)]. In *Nekotorye voprosy otechestvennoi istorii. Sobytiya i sud'by*. St Petersburg, Institut rossiiskoi istorii, pp. 57–77.

Severnaya kommuna [*Severnaya Kommuna*]. (1918). June 21.

Shishkin, V. A. (Ed.). (2013). *Petrograd na perelome epokh. Gorod i ego zhiteli v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny* [Petrograd at the Turn of Eras. The City and Its Inhabitants during the Revolution and the Civil War]. 2nd Ed. Moscow, Tsentrpoligraf. 291 p.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [izdanie ofitsial'noe] [Collection of Legalisations and Government Orders, Published under the Governing Senate. Official Edition]. (1917). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. No. 186.

Statisticheskii sbornik po Petrogradu i Petrogradskoi gubernii. 1922 g. [Statistical Collection of Petrograd and Petrograd Province. 1922]. (1922). Petrograd, 1-ya tipografiya Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo izdatel'stva. 344 p.

Tverdyukova, E. D. (2015). “Kolbasa – delo doveriya”: fal'sifikatsiya pishchevykh produktov v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [“Sausage is a matter of trust”: The Counterfeiting of Foodstuffs in Russia during the Years of the First World War (1914–1918)]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1 (12), pp. 71–82.

Vishnevskii, N. M. (1920). *Printsipy i metody organizovannogo raspredeleniya produktov prodovol'stviya i predmetov pervoi neobkhodimosti* [Principles and Methods for the Organised Distribution of Food and Primary Commodities]. Moscow, 10-ya gosudarstvennaya tipografiya. 188 p.

Vserossiiskoe soveshchanie predstavitelei raspredelitel'nykh organov. 1–4 noyabrya 1919 g. [All-Russian Meeting of the Representatives of Distribution Bodies]. (1920). Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya (byvshaya tovarishchestva I. D. Sytina). 64 p.

Vtoroi god bor'by s golodom. Kratkii otchet o deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po Prodovol'stviyu za 1918–19 god [The Second Year of the Fight against Hunger. Brief Report on the Activities of the People's Commissariat of Food Industries in 1918–19]. (1919). Moscow, Tovarihschestvo tipografii A. I. Mamontova. 57 p.

Vyshinskii, A. Ya. (1922). *Voprosy raspredeleniya i revolyutsiya* [Distribution Issues and Revolution.]. Moscow, 3-ya tipografiya MSNKh “Mospoligraf”. 27 p.

Wells, H. (1964). Rossiya vo mgle [Russia in the Shadows]. In Wells, H. *Sobranie sochinenii v 15 t.* Moscow, Pravda. Vol. 15, pp. 313–376.

Yarov, S. V. (1999). *Proletarii kak politik. Politicheskaya psikhologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg.* [The Proletarian as a Politician. The Political Psychology of the Workers of Petrograd in 1917–1923]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 223 p.